

Виктория Коритнянская

Одесские рассказы

Света

Иногда Света напоминает мне Эллочку-людоедку из романа «Двенадцать стульев». Почти так же разговаривает она после инсульта. Особенно если погода шалит. «О», «Э», «Ну это», «Вот это», «Это самое» – вот, пожалуй, и весь ее словарный запас в такие дни.

История Светы банальна. «Курила, пила, гуляла, потом – бах!» – взмахивает она рукой, показывая на голову. Инсульт случился с ней прямо на работе, в регистратуре областной больницы. Коллеги на руках перенесли ее в приемный покой, а оттуда Свету сразу взяли на стол. Хирург, который ее оперировал, уверял, что через тринадцать лет она будет как новенькая. Сам он уже давно в могиле, а:

– В этом году... Вот... Вот это... – загибая пальцы, пытается сосчитать Света. – О! Трин-н-надцать!

– Значит, в этом году будете уже здоровы? – спрашиваю я.

– Это... Это... Это вот... А как же! – смеется она.

Но, видимо, от слов хирурга теплилась в ней какое-то время надежда. Много лет подряд я видела, как Света в любую погоду разрабатывала на детских площадках парализованную руку и ногу. Вправо-влево, вверх-вниз, вправо-влево... Но... Все оказалось зря: рука все так же висела плетью, а нога загребала влево. Сейчас Света уже не занимается. И нездоровится ей все чаще и чаще. Сначала кружится голова, потом – бах! – она теряет сознание. Однажды вечером я застала ее на скамейке в больших очках.

– Упала! – не дожидаясь вопроса, сняла Света очки.

Широкая вспухшая царапина тянулась от виска вниз, и большой кровоподтек синел под правым глазом...

– Упала! Это... Это... Думала, все! Уже... О! О! Туда! – тычет она пальцем в небо. – А потом – нет! Не взял!

– А вам не страшно?

Света яростно машет головой:

– Нет! Я это... Это... Я хочу! Туда! О! О! – снова тычет она вверх пальцем. – Что это? Зачем? – подбрасывая вверх неподвижную руку, показывает она. – Я прошу... Это... Это... Боже, возьми меня! – и, не запинаясь, начинает:

Богородице Дево, радуйся,
благодатная Марие, Господь с Тобою,
Благословенна Ты в женах
и благословен Плод чрева Твоего,
яко Спаса родила...

Я замороженно слушаю.

– Света, вы слышите? Вы говорите нормально!

– Это... Это... Только молитву! – снова заикаясь, отвечает она.

Света дружит во дворе с тетей Лидой. Когда-то давно они жили на Слободке, и тетя Лида в юности дружила с ее сестрой Ниной. Потом Нина вышла замуж и уехала, как говорит Света, в Ольвидиополь, а они, Света и Лида, снова стали соседями, но уже здесь, на Поскоте.

Света называет тетю Лиду землячкой и делит с ней все заботы о дворовой кошачьей ораве. У нее есть даже своя любимица – «зелененькая», так почему-то называют они между собой котов полосатого окраса, кошка Дора. Света отбила ее, беспомощного котенка, у собак и выкормила, чтобы потом с наступлением холодов забрать к себе в квартиру. Но Петя, ее муж, был почему-то против. Когда она все-таки упростила Петю, Дора бесследно исчезла.

– Ушла! О... О... На небо! Ушла! – оплакивала Света любимую кошку.

Света очень любит детей. Большая, грузная, огненно-рыжая, с короткой, почти под ноль стрижкой и, словно капуста, перевязанная разноцветными платками... Она никогда не подходит и не заговаривает с ними, но часто подолгу наблюдает, как играют они на детской площадке.

– О! – поднимая вверх большой палец и широко улыбаясь, показывает она на моего сына. – Это... Это... Девочку еще и – все! Девочку, д-д-д-дюймовочку! У меня т-т-тоже три! Три мальчика! Но это... Это... Аборт! Аборт! Аборт! – рубит Света воздух здоровой рукой, и глаза ее наливаются угрюмой чернотой. – А потом – Петя! Думала – рожу! А он – слабый! – бьет себя ниже пояса. – Нету, нету детей! Убила! А теперь – о! – хлопает себя по голове. – О! О! – пытается пошевелить безжизненной ногой и дернуть рукой-плечью. – Н-н-наказание!

Муж Светы – молдавский цыган. У него большое сердце. Редкая неделя выдается, чтобы к нему не приезжала скорая. Петя полный и грузный, он громко дышит, когда идет. «Вам нужно худеть, нужно много ходить», – говорят ему врачи, но Петя не слушает. Света жарит ему котлеты, а потом, сидя у парадной на скамейке, сокрушается, что своими руками вгоняет мужа в гроб.

– Так не жарьте! – однажды сказала я.

– Уйдет!

– Куда? – не поверила я.

– Уйдет! Он же... Это... Это... Он – цыган! – многозначительно подняв палец, объяснила Света, и лицо ее вдруг стало грустным.

Петя держит контейнер на Северном рынке, и заработанных им денег хватает на все: на котлеты, котов и даже на помощь семье сестры Нины, той самой, которая живет в Овидиополе. Но в декабре Пети не стало, и Света в одно мгновение осунулась, почернела.

– Ночью он, – показывает она, как толкнул ее Петя, – и я проснулась. Я: «Петя! Петя!» Смотрю, а он уже... – закатывает она глаза.

Потом от тети Лиды я узнала, что, когда Пети не стало, к Свете перестала приезжать Нина. И контейнер стоял на рынке закрытый, и помощник мужа дважды приходил, справлялся, что делать. И Света звонила сестре, просила ее приехать, но та не хотела... И Света из-за этого нервничала, и говорить не могла, и чаще обычного теряла сознание...

Со временем жизнь Светы наладилась. Она пообещала Нине отписать квартиру, и та согласилась ее досмотреть. И контейнер Петин продала. Не пропадать же добру... Ну и что, что это единст-

венный Светин доход? Хочешь? Иди и торгуй! И на пенсию по инвалидности прожить можно, раз уж так получилось...

– И проживу! – согласилась Света. И отключила бойлер, и почти не включает в квартире свет, потому что пенсии ее не хватит, чтобы оплатить коммунальные услуги.

А недавно совсем появилась у Светы радость – кошка по кличке Марчела. Белая с черными пятнами. Кошка простая, неказистая, но Света ее любит.

– Будут морозы, я ее к себе... Это... К себе... – показывает Света на окна своей квартиры. – Я уже это... Это... Это вот... Горшок ей купила... Да, Марчела? Да? – шепчет она, улыбаясь, и смотрит на кошку взглядом, полным любви, любви к своим не рожденным детям, к покойному мужу Пете и всему живому...

Черное море

Море...

Кормит, зовет, влюбляет. Объединяет со всем миром.

Вселяет надежду на приход корабля с алыми парусами.

Слушает молча, успокаивает, смывает печали...

Ласкает, шумит, плещется... И кричит криком чайки, и бьется...

И бывает в тумане...

Меняет цвет, удивляет, восхищает. Освежает, радует, закаляет и любит героев.

Вдохновляет, рождает стихи и прозу... И живет на полотнах художников.

Делает Одессу Одессой...

Как повезло нам, что оно рядом. Море... Наше Черное, самое синее на Земле море...

